

Елена Вячеславовна Маринова (Elena Vyacheslavovna Marinova)*

Варьирование (не)одушевленности существительных, обозначающих человекоподобные программы

Variation in (In)Animate Nouns Denoting Humanoid Programs

<https://doi.org/10.1515/cjss-2025-0004>

Received February 21, 2025; accepted April 27, 2025; published online June 13, 2025

Аннотация: На материале существительных, обозначающих современные высокотехнологичные человекоподобные программы, рассматривается вариантность форм винительного падежа в современном русском языке. Источники материала – личная коллекция автора, Национальный корпус русского языка (основной и газетный и подкорпус «Социальные сети»), электронный медиабанк «Интегрум» (сервис «архив СМИ», 1996–2025). Существительные, обладающие вариативностью форм винительного падежа, представляют собой две группы, различающиеся характером номинации. Первая группа включает в себя вторичные номинации, образованные на базе слов *помощник*, *ассистент*, *двойник*, которые в своих прямых значениях являются наименованиями лиц и выступают в русском языке как одушевленные. Вторая группа включает первичные номинации: существительные *бот*, *чат-бот*, *телеграм-бот* и подобные, именующие неодушевленные объекты изначально. Причиной использования вторичных номинаций как одушевленных является морфологическая инерция. Однако со временем вариантность исчезает, существительные этого типа приобретают признаки неодушевленности, тогда как первичные номинации могут в разной степени сохранять варьирование, как и другие слова русского языка, обозначающие человекоподобные объекты.

Ключевые слова: русский язык; категория одушевленности; винительный падеж; персонификация; морфологическая инерция

***Corresponding author: Елена Вячеславовна Маринова (Elena Vyacheslavovna Marinova),** Институт русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, E-mail: marinova@list.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

Abstract: Using the material of nouns denoting modern humanoid AI programs, the variation of accusative forms in modern Russian is considered. The sources of the material are from author's personal collection, the National Corpus of the Russian Language (the main and newspaper subcorpus "Social Networks"), the electronic media bank "Integrum" (the archive of Mass Media service, 1996–2025). Nouns exhibiting accusative case variation fall into two typological groups which differ in the nature of the nomination. The first group includes secondary nominations based on the words *pomoshchnik*, *assistent*, *dvojniki*, which in their direct meanings are names of persons and act as animate in Russian; the second group includes primary nominations – nouns *bot*, *chat-bot*, *telegram bot* and the like, naming inanimate objects initially. The reason for using secondary nominations as animate is morphological inertia. However, over time, the variation disappears, nouns of this type acquire signs of inanimation, while primary nominations can vary to varying degrees, like other words of the Russian language denoting humanoid programs.

Keywords: Russian language; category of animation; accusative case; personification; morphological inertia

1 Постановка проблемы

Грамматическая категория одушевленности привлекает внимание исследователей, поскольку формирование категории продолжается (Пеньковский 2004), а круг связанных с нею лингвистических проблем весьма обширен. Так, одушевленность/неодушевленность ученые анализируют с позиций функциональной грамматики, вписывая проявление этой категории не только в морфологическую систему русского языка, но и в синтаксическую, лексическую и словообразовательную (Конюшкевич 2024). Одушевленность рассматривается с точки зрения синтаксической семантики и синтагматики в рамках грамматики конструкций (Циммерлинг 2020). Расширение состава существительных, приобретающих признаки одушевленных вопреки лексической семантике, а также семантические основания для противопоставления одушевленных и неодушевленных имен как обозначений активных (пусть потенциально) и пассивных предметов – сфера исследований М. Ю. Федосюка (Федосюк 2015, 2016). Игровой характер противопоставления одушевленных – неодушевленных форм винительного падежа рассматривается также на материале художественных текстов (Норман 2006; Зубова 2009).

В работах о категории одушевленности традиционно освещаются колебания в выборе формы винительного падежа существительных. Согласно Д. Э. Розенталю, такие колебания могут проявлять слова *тип*,

субъект, истребитель, бомбардировщик, счетчик, маяк (о передовике, новаторе), что обусловлено их разными значениями, одно из которых может быть переносным, метафорическим (*маяк, звезда, спутник* и др.) (Розенталь 1989). Развернутые метафорические номинации *солнечный зайчик, воздушный змей, лежащий полицейский, однорукий бандит, белые воротнички* дополняют этот ряд варьирующихся единиц (Русакова 2007). Очевидно, в группу многозначных лексем, по-разному относящихся к категории одушевленности в каждом из своих значений, не входит слово *персонаж*, вариантность которого отмечается в (Розенталь 1989; Крысин 1997): его варьирование не связано с изменением значения; в одном и том же значении – *литературный персонаж* – слово может использоваться как одушевленное и как неодушевленное. В этом же ряду обозначения различных микроорганизмов (*бактерия, вирус, микроб*), существительное среднего рода *подмастерье*, вариативность которого отмечена в «Русской корпусной грамматике» (Воейкова 2011), а также слово *лицо* (человек).¹ Высказанное замечание о двух типах подверженных варьированию субстантивов существенно в анализе нашего материала. Его источниками послужили: Национальный корпус русского языка – НКРЯ (основной и газетный подкорпус «Социальные сети»); электронный медиабанк «Интегрум» (сервис «архив СМИ», 1996–2025); личная коллекция автора (ЛК).²

Цель исследования – определить условия и причины грамматической вариантности слов в отношении одушевленности/неодушевленности существительных, обозначающих современные высокотехнологичные человекоподобные программы.

2 Персонафикация как принцип номинации

В процессах номинации новых объектов и реалий современных цифровых технологий последовательно отражается приписывание техническим устройствам и программам свойств живого существа (антропоморфизм). Возможно,

1 По мнению Д. Э. Розенталя, «слово *лицо* в значении “человек” употребляется во множественном числе как существительное одушевленное» (Розенталь 1989, 194), однако В. Н. Немченко убедительно доказывает, что чаще оно используется в форме, совпадающей с именительным падежом, причем в литературной речи (Немченко 1998).

2 Личная коллекция автора (Е. Мариновой) создавалась на протяжении 2000–2025 гг. В нее вошли примеры из публицистических и научных статей, постов и комментариев к ним в соцсетях. Кроме того, нами фиксировались случаи варьирования существительных в звучащей речи (в научном докладе, радиозфире и др.), в письменных текстах других жанров (анонс фильма, напр.).

прецедентом здесь послужил термин *искусственный интеллект*. Русский термин восходит к английскому *artificial intelligence*, который был предложен в 1956 г. на семинаре под таким названием в Дартсмутском колледже (США).

В английском языке данное словосочетание не имеет той слегка фантастической антропоморфной окраски, которую оно приобрело в довольно неудачном русском переводе. Слово *intelligence* означает «умение рассуждать разумно», а вовсе не «интеллект», для которого есть термин *intellect*. (Гаврилова and Хорошевский 2000, 19)

В рамках лингвистической герменевтики этот «неудачный русский перевод» интерпретируется как одно из проявлений «расчеловечивания» человека в современной цифровой культуре. Так, по мнению В. В. Волкова, термин *искусственный интеллект* персонифицирует «машину» (*технике приписываются – в качестве органически присущих – лучшие черты Homo Sapiens*) и деперсонифицирует человека, формируя у наивного носителя языка представление об «умном» устройстве и транслируя тем самым идеологию трансгуманизма, основанную на нейтрализации фундаментальной оппозиции человеческой культуры «человек – машина» (Волков 2020, 745).

Деперсонифицирует человека не только термин *искусственный интеллект*. Начиная с 90-х гг. XX в. ресурсом для именования реалий техномира регулярно становятся **личные** существительные: *онлайн-переводчик* (программа), *электронный брокер* (пользовательская программа для проведения брокерских операций в режиме реального времени через интернет), *виртуальный учитель* (обучающая программа в Сети), *цифровой актер* (о цифровой копии актера), *цифровой полицейский* (система безопасности, основанная на использовании ИИ, дронов, видеокамер и др.) и проч. В настоящее время на этой основе создаются номинации программ, основанных на технологиях искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники. Вот далеко не полный список таких номинаций: *ИИ-врач*, *ИИ-доктор*, *ИИ-кардиолог*, *ИИ-терапевт*, *ИИ-дизайнер*, *ИИ-микробиолог*, *ИИ-композитор*, *ИИ-юрист* и др.; *робо-коуч*, *робо-инспектор*. Перечень этих антропоморфных метафор можно продолжить **интернациональными терминами** IT-сферы: *компилятор* (программа перевода с одного машинного языка на другой), *корректор* (правописания), *мастер* (подсказок), *навигатор*, *(текстовый) редактор*, *гид* (об аудиогиде), *(цифровой, офисный) секьюрити* (монитор для наблюдения с целью обеспечения безопасности офиса) и др.

Следует отметить, что модель переноса «**живое** → **неживое**», лежащая в основе приведенных выше метафор, считается некоторыми исследователями нерегулярным типом (Скляревская 2004). Номинации, реализующие эту модель, характеризуются «непрототипическими отношениями, складывающимися между содержанием... и формой» (Русакова 2007, 118). Рост числа таких метафор

(модель «человек → машина») в русском языке, возможно, объясняется влиянием английского языка, откуда первоначально они поступали в связи с распространением компьютерных технологий в стране. Подобные названия отражают техноцентричность современного мира, в котором меняются роли человека и машины, усиливаются «смысловые смещения в массовом восприятии, понимании, интерпретации фундаментальной оппозиции» (Волков 2020, 747). Современные технологии все более последовательно воплощают концепцию «очеловечивания» машин, делая их user-friendly. Согласно итальянскому философу и писателю Алессандро Барикко,

Между человеком и машиной заключается мир, то, что было искусственным, окончательно становится природным, естественным, натуральным. Что-то размылось, и с каким-то невиданным благоволением машины склонились к тому, чтобы стать продолжением человеческого духа и тела. (Барикко 2019, 144)

Идею, что граница между такими антиподами, как человек и машина, размывается, подтверждают и другие факты новой языковой реальности:

- широкое использование **в номинациях технологических и технических реалий** одушевленно-маркированных («человеческих») эпитетов, напр., *умный дом* <колонка, часы, мойка, браслет, выключатель, парковка, гантели, мусорные контейнеры...>, *интеллектуальный чат-бот, продвинутый бот*; и напротив, использование прилагательных технической сферы в сочетании с личными существительными **для номинации лиц** по специальности: *виртуальный врач/доктор, цифровой педагог, цифровой куратор, цифровой художник, киберследователь, киберпсихолог* и под;
- использование соматонимов в названиях технологических опций; см. в сфере цифрового банкинга: *расплатиться лицом; оплатить лицом*; в этом же ряду: *оплатить улыбкой*;
- использование личных имен для обозначения программ искусственного интеллекта, чат-ботов, голосовых помощников – см.: *Алиса, Маруся, Ева, Макс* и др.

Этот ряд можно продолжить, если вспомнить об одной дискурсивной особенности современных текстов: человекоподобные программы и техника предстают в них нередко как **субъекты действия** (а не объекты или средства), что отмечается в (Клементьева 2022; Маринова 2022; Тельпов 2024). Например:

В этом году *голосовой помощник* Сбера *научился консультировать* и по инвестиционно-накопительным и страховым продуктам (Коммерсант. 09.12.2020); *Получив*

*подтверждение, **бот** осуществит сделку, покажет ее стоимость и остаток по счету* (Ведомости. 2021.04.04).³

В связи с этим показателен также контекст, в котором синтаксема с предлогом у, с тонкой, по выражению М. И. Конюшкевич, семантикой одушевленности (Конюшкевич 2024, 110), отражает персонифицированное представление пользователей о программах, способных выполнять функции человека, имитировать его:

*О долгах за капремонт жители Пермского края смогут узнать у **бота** в соцсетях* (ТАСС. 10.05.2017).

В современной художественной литературе объектом персонификации, независимо от жанра произведения и литературного направления, становятся поисковые системы, социальные сети, мессенджеры; программное обеспечение (браузер и др.), места расположения контента (сайт, страница) и т. п. – все то, с чем герой непосредственно имеет дело по ходу сюжета. О восприятии интернета как одушевленного существа свидетельствуют многочисленные метафоры-олицетворения, извлеченные нами из прозаических произведений современных авторов (В. Пелевина, А. Иванова, Р. Сенчина, А. Житинского, О. Токарчук, М. Степановой, А. Матвеева и др.) в специальном исследовании:

Яндекс думает <говорит, рассказывает, скажет, не скажет>; Интернет умолкал <вел, выдавал адреса, тыкал пальцем, не знал, показывал, обещал>; ссылка вела <вывела, сбросила>; Сеть поделится, обманет; услужливый фейсбук вспоминает; поисковая система ошибается, обманулась; Приложения давили на жалость, притворялись и т. п. (Маринова 2022, 138–44).

В этих условиях показательна реакция русской грамматики на регулярное использование одушевленных существительных для обозначения неживых объектов.

3 Грамматические последствия персонификации

В большинстве случаев категория одушевленности у слов, в другом своем значении именующих неживые объекты, утрачивается. Предпочтительнее оказывается выбор в пользу грамматического поведения неодушевленного

³ Здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены. Примеры, если нет указания на ЛК, приводятся по НКРЯ.

существительного, даже если в своем первичном значении оно изменяется как одушевленное существительное: *включить навигатор*, а не **включить навигатора*.⁴

Факты истории языка подтверждают эту тенденцию. Так, в XIX в. приемлемыми считались фразы типа *помножить знаменателя на числителя*. Н. И. Греч в «Краткой русской грамматике» (1858 г.) писал, что существительные на *-атель* и *-итель*, означающие «деятелей неодушевленных», склоняются как названия одушевленных; так же ведут себя имена других неодушевленных предметов, «заимствованные от одушевленных» (Греч 2011, 13). В качестве примера Греч приводит фразу «Я видел в телескоп спутников Сатурна» (Греч 2011, 13). Однако в настоящее время слова *числитель*, *знаменатель* относятся к неодушевленным и даже не варьируются в форме винительного падежа. Слово *спутник* в значении «небесное тело» (а также в более позднем – «космический аппарат») ведет себя как неодушевленное, причем вариантов формы винительного падежа от этого слова в указанных значениях по НКРЯ не обнаружено, хотя в «Справочнике по правописанию и литературной правке» отмечается вариант *запускать новых спутников*, правда, с пометой «в профессиональной речи» (Розенталь 1989, 195). Еще один пример – наименования планет Солнечной системы, восходящими к именам античных богов. В «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаева (1869 г.) они рассматриваются как одушевленные (*смотреть в телескоп на Юпитера*), вариантность не отмечена; в уже упоминавшемся «Справочнике...» – только как неодушевленные и тоже без вариантов (Буслаев 1959, 409; Розенталь 1989, 194). Буслаев писал лишь **об одном случае варьирования** в отношении одушевленности: о разных окончаниях в форме винительного падежа названий книг и журналов типа «Современник». Эту вариантность ученый комментировал так:

...однако в употреблении их должно отличать два периода: древнейший и позднейший. **В старину** (здесь и далее выделено нами. – Е.М.) такие имена употреблялись как названия предметов одушевленных...; **в новейшее же время** составленные в этом роде имена частично принимаются в смысле имен неодушевленных, согласно с логическим понятием о называемых предметах; напр., «читать Современник, Москвитянин», частично же – в смысле одушевленных; напр., «читать... Юрия Милославского, Евгения Онегина» (т.е. романы под этими названиями). (Буслаев 1959, 409)

И далее:

4 О развитии от одушевленности к неодушевленности и норме (на примере устойчивого словосочетания *лежащий полицейский*). См. Русакова (2007), Лазуткина (2014).

Но *Вестник Европы*, *Московский Вестник* употребляются уже по-новейшему; напр., «издавать Вестник», «читать Вестник». (Буслаев 1959, 409)

Таким образом, если одушевленные существительные в своих вторичных значениях используются для обозначения предметов, побеждает, как писал Буслаев, *логическое понятие о называемых предметах*. Однако на некоторых участках система реагирует не сразу: так возникают варианты использования слова в форме винительного падежа и как одушевленного, и как неодушевленного.

В настоящее время сказанное справедливо по отношению к русским версиям английских названий некоторых мобильных приложений, а именно: *голосовой помощник* (калька англ. Voice Assistant), *голосовой ассистент* (полукалька к Voice Assistant), *виртуальный помощник/ассистент*, *цифровой ассистент*, *Google ассистент* (< Google Assistant) и *гугл/гугловый ассистент*, включая эллиптированные варианты всех этих номинаций: *помощник*, *ассистент*.⁵ Приведем примеры:

*Мы рассматриваем возможность внедрения такой функциональности в наш **голосовой ассистент «Ева»** (Ведомости. 15.12.2021) – «Вымпелком» тестирует **виртуального ассистента** (заголовок) (Ведомости. 20.01.2021).*

*...на смартфонах должно быть 15 приложений, включая браузер, навигатор, мессенджер, **голосовой помощник**, новостной агрегатор (Парламентская газета. 30.11.2021) – Пауль и Антон разработали **голосового помощника**, который не только умеет подстраиваться под характер владельца, но и незаметно делает из него идеального потребителя (анонс фильма в приложении «Яндекс Афиша»).*

*Вот если бы на **гугл ассистент** прикрутили яндексовский синтезатор речи из алисы, было бы шикарно (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 08.06.2021) – Максимум что прошу своего «помощника» (**Гугл ассистента**) поставить будильник, поискать что-нибудь в интернете (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 05.02.2021).*

*Ну я через **ассистент** установил вот сейчас (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 05.10.2021) – Вообще я хотел из Центра, раньше предлагал, сейчас кнопку не нашел. Поэтому через **Ассистента** ставлю (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 21.09.2022).*

⁵ Проведенный в ходе исследования опрос относительно более предпочтительной для респондента формы (*отключить голосовой помощник* или *голосового помощника*) дал следующие результаты: около 65 % от общего количества опрошенных предпочитают форму винительного падежа неодушевленного существительного. Парсинг по открытым источникам (соцсети, сайты блогов и форумов) выявил примерно такое же соотношение (Маринова 2024).

Подобным образом варьируется термин *цифровой двойник* [виртуальная копия (программный аналог) любого материального объекта, процесса или явления] (Маринова and Волочек 2023).

*Кроме того, аппарат позволяет создать **цифровые двойники** статичных нетвердых объектов (РИА Новости. 09.10.2020) – Российские разработчики показали **цифровых двойников** на Венецианском биеннале (Известия. 12.05.2019); Уральские энергетики внедрили «**цифрового двойника**» всей системы теплоснабжения Екатеринбурга (Коммерсант. 18.12.2020).*

Вероятно, «одушевленные» формы слов *помощник, ассистент, двойник* использованы говорящими по инерции: опорные существительные в своих исходных значениях обозначают лицо и являются одушевленными. В то же время с языковой инерцией явно соперничают здравый смысл и языковая тенденция, о которой было сказано выше.

Все представленные в примерах официальные номинации являются вторичными по отношению к именам *помощник, ассистент, двойник*, которые в своих прямых значениях выступают в русском языке как одушевленные (являются наименованиями лиц). Однако среди наименований человекоподобных продуктов цифровых технологий есть слова, которые являются **первичными номинациями**, то есть именуют неодушевленные объекты изначально. Это существительные *бот* (компьютерная программа, автоматически запускающая через интернет заранее настроенные повторяющиеся задания, имитирующие деятельность человека) (Маринова and Волочек 2023), *чат-бот* [компьютерная программа (часто – внутри мессенджера), созданная для имитации речевого поведения человека при общении с одним или несколькими пользователями в текстовой и/или голосовой форме] (Маринова and Волочек 2023), *телеграм-бот, промобот, шаробот* и др. В современной речи они используются в двух вариантах: как одушевленные и как неодушевленные, например:

*Чтобы обучить **бота**, потребуется масса исходных данных, времени и знаний (plantro.ru) – ...американская компания Goldman Sachs уже заменила трейдеров, занимавшихся торговлей акциями по поручению крупных клиентов банка, на автоматически работающий **бот** на базе ИИ (Информационное общество. 2017. №4).*

*Когда кто-то предлагает вам внедрить на сайте «интеллектуального **чат-бота**», просто спросите, сколько времени это займет (plantro.ru) – В Воронежской области еще в одном райцентре запустили **чат-бот** для связи с поликлиникой (Время Воронежа. 11.11.2021).*

Отметим, что такое варьирование проявляется у данных слов и в форме единственного, и в форме множественного числа:

...сервис позволяет хранить неограниченное количество данных, вести каналы – микроблоги, создавать и использовать **ботов**, совершать звонки (Парламентская газета. 18.06.2020) – В докладе... отмечается, что российские СМИ якобы выпускали сюжеты в поддержку Вхейи, а также использовали «**боты**» и «троллей» в качестве доказательств, но влияние всего этого на результат невозможно доказать (Известия. 14.10.2020).

Google работает над ...проектами, призванными определить, как работают люди и придерживаются ли они руководящих принципов социальной дистанционности, а Microsoft разрабатывает **чат-ботов** и другие инструменты для общественного здравоохранения (Vesti.ru. 07.04.20200 – Зато число клиентских обращений в колл-центры и **чат-боты** возросло, констатируют банкиры (Ведомости. 26.03.2020).

По данным проведенного нами опроса не удалось однозначно установить предпочтительный вариант в каждой паре: во-первых, результаты различны даже по формам единственного и множественного числа; во-вторых, неодинаковую частотность проявляют варианты каждого типа при разных глаголах (Маринова 2024, 234). В этом отношении парсинг-исследование по открытым источникам показал более стройную картину: у слова *бот* преобладают формы **одушевленного** существительного, у *чат-бот* – **неодушевленного** (хотя преимущество последних в форме множественного числа незначительное – 51 %) (там же). См. подобные примеры также с другими производными слова *бот*:

В сентябре 2017 года Владимиру Путину показали разработанного в Пермском информационно-технологическом кластере робота-**промобота** (Lenta.ru, 23.04.2019) – В Воронеже общественники запустили **Telegram-бота** для отслеживания маршруток (Время Воронежа. 12.03.2018); Более десяти лет назад Ральф Холлис (Ralph Hollis) из Института робототехники при Университете Карнеги-Меллона изобрел **шарбот** – элегантный по своей простоте робот, чья высокая и достаточно тонкая конструкция скользит поверх шара (Vesti.ru. 06.10.2016).

Таким образом, перед нами живой пример активного языкового процесса – **грамматического варьирования** имени существительного по отношению к категории одушевленности. Несмотря на то, что варьирующиеся единицы различны по характеру номинации (первичные и вторичные), их вариантность имеет важное сходство: колебания в отношении одушевленности/неодушевленности происходят **в пределах одного и того же значения**, или лексико-семантического варианта (ЛСВ). Это отличает грамматическую вариантность от **лексико-грамматической** – так мы называли вариантность многозначных слов типа *истребитель*, проявляющуюся в пределах семантической структуры слова **между** его лексико-семантическими вариантами (*обучить истребителя* – *сбить истребитель*). Сюда же, по всей видимости, можно отнести варианты типа *ловил анчоусов* (о рыбе) – *ел анчоусы* (о блюде) (пример взят из (Крысин 1997, 69)), так как в подобных контекстах существительное реализует

разные значения (или оттенки?): представитель животного мира и блюдо, из него приготовленное. Подобные примеры (*подать к столу омары, устрицы, мидии, крабы, креветки*) рассматриваются также в Конюшкевич (2024, 95–6) как отступления от грамматической нормы по отношению к некоторым наименованиям экзотических морских животных; ср. *есть жареного зайца, фаршированного окуня, копченого угря* (с сохранением «одушевленной» формы винительного падежа).

В отличие от лексико-грамматической вариантности, **собственно грамматическое** варьирование (в пределах одного ЛСВ) не получило еще должного освещения в научной и справочной литературе. Так, в монографии «Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма» описаны четыре типа грамматических вариантов имен существительных: родовые варианты, числовые варианты, варианты, различающиеся по склоняемости/несклоняемости; варианты, различающиеся типом склонения или отдельными падежными формами в рамках одного типа склонения (Немченко 1998, 9–10). Варианты, различающиеся отношением к категории одушевленности/неодушевленности, упоминаются в рамках последнего типа, но в отдельную группу не выделяются: рассматривается вариантность одного существительного – *лицо* ‘человек’ (Немченко 1998, 187–8). В справочнике «Грамматическая правильность русской речи» (Граудина et al. 2001) такие варианты отсутствуют вовсе.

4 Причины и условия варьирования номинаций человекоподобных программ

К варьированию анализируемых номинаций приводит действие экстралингвистических и лингвистических факторов. С одной стороны, обозначаемые этими номинациями референты воспринимаются и осмысливаются как неодушевленные объекты (программы), с другой – персонифицируются, чему способствуют не только «привычка к персонификации» (Й. Хёйзинга) окружающего мира, так называемый антропоморфный взгляд на предметы, на бытие, но и сам язык. Для техницизмов *голосовой (виртуальный) помощник/ассистент, цифровой двойник* тот факт, что в своих исходных значениях опорные существительные обозначают лицо и являются одушевленными, подталкивает говорящих к «морфологической инерции», противоречащей здравому смыслу. Проявление этой инерции хорошо заметно в коротком слогане новой услуги мобильного российского оператора «МТС», звучавшем на Первом канале телевидения в декабре 2024 г.: *Подключи Секретаря*.

Что касается слов *бот* и *чат-бот*, у которых, на первый взгляд, нет опоры на «прошлый опыт», на проявление одушевленности повлияла, если говорить именно о языковых факторах, одушевленность гиперонима **робот**. Английское существительное *bot* образовано усечением начального слога интернационального слова *robot*. В момент широкого вхождения слова *бот* в язык СМИ оно нередко вводилось в текст вместе со своим генетическим предшественником; см., напр.:

*Сайт и **робота (бота)** в мессенджере Telegram общественники представили в воскресенье, 11 марта (Время Воронежа. 12.03.2018).*

На наш взгляд, сыграла роль и вариативность слова *робот*, проявившаяся начиная с первых случаев его регулярного употребления в русской речи (при этом словари сопровождают это слово пометой «одуш.»). По данным НКРЯ, это 1929 г.; Пример с неодушевленным вариантом датируется уже 1932 годом. Вариантов с «неодушевленным» винительным слова *робот*, по нашим подсчетам, немного: 3,6 % от всех форм винительного падежа единственного и множественного числа в основном и газетном подкорпусах НКРЯ. Большая их часть приходится на последнее время, с 2016 г. по 2021 г. Здесь же отметим такой интересный факт: встречаются примеры, когда в одном и том же тексте использованы оба грамматических варианта слова *робот*, напр.:

*Уникальный медицинский **робот** презентовали в Екатеринбурге. Экзоатлет ставит на ноги пациентов с серьезными травмами позвоночника (Vesti.ru. 11.03.2016) – ср. заголовок: Уникального медицинского **робота** презентовали в столице Урала (там же).*

*Отмечается, что **роботы** планируется начать внедрять к 2024 году (Коммерсант. 12.05.2019) – ср. заголовок: Южная Корея планирует начать внедрять боевых **роботов** в 2024 году (там же).*

Следует учесть еще один фактор, который мог повлиять на вариантность слова *бот* и его производных. Дело в том, что задолго до широкого распространения слов *бот* и *чат-бот* в повседневной речи, обусловленного массовым использованием соответствующих программ, в речи геймеров слово *бот* было хорошо известно в значении «искусственный персонаж, имитирующий игрока в компьютерной игре» и даже использовалось в специализированных тематических журналах для геймеров, а также в литературных текстах, посвященных этой субкультуре (см.: *Бить этих **ботов** важно и нужно*. Н. Балашов. *Zelda. Книга о новых героях*. 2010). В этом значении, а также в развившемся в той же среде уничижительном значении «неумелый игрок; недалекий человек» существительное *бот* использовалось только как одушевленное. Наконец, бытовавшее не так давно выражение *кремлевские боты*

Илл. 1: Фрагмент страницы официального сайта «Решу ЕГЭ». https://ege.sdamgia.ru/prob_catalog?ysclid=m6qqma2dz9671474355.

(кремлеботы) – о сотрудниках компании «Интернет-исследования» (Маринова 2022, 116–7) – также формировало представление об одушевленности слова *бот*. Несомненно, все формы визуализации (ро)ботов и т.п., как например, «фото» на сайте «Решу ЕГЭ» (см. Илл. 1), закрепляют в массовом сознании персонификацию человекоподобной техники. Примечательны здесь не только изображение компьютерных программ в виде фотографий людей (очеловечивание), но и сама подпись *Наши боты*, вызывающая ассоциации с подписями к школьным стендам с фотографиями отличников, спортсменов типа *Наша гордость*.

Помимо причин, приводящих к варьированию как первичных, так и вторичных номинаций, важно иметь в виду и **условия**, поддерживающие их использование как одушевленных (см. п. 2). Обратимся к примерам НКРЯ:

*Вы можете это сделать через моего **помощника**, **бота** Луку (Коля Толпинский. Дневник Миссионера. 28.08.2021); Настрой Алису как **помощника** по умолчанию вместо гул ассистента и не нужно будде делать столько шагов (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 16.12.2021); Взломали **виртуального помощника** Макса, который отвечал пользователям, что коронавируса не существует (Типичный Воронеж. Жизнь в Воронеже. 2021).*

В этих контекстах мы видим, что онимы, служащие в системе языка именами людей, сохраняют грамматическую одушевленность (*взломали Макса*) и в роли названий торговых марок. Сопутствующие онимам в качестве

приложений уже знакомые нам номинации в этих условиях используются в своем «одушевленном» варианте.

5 Заключение

Выскажем некоторые прогнозы относительно дальнейшей судьбы варьирующихся номинаций, рассмотренных в статье.

Есть основания полагать, что вторичные номинации с главными компонентами *помощник, ассистент, двойник* пополняют класс неодушевленных существительных, то есть со временем повторяют судьбу других полисемантических слов, изначально обозначающих лицо. Вариантность, проявляющаяся у этих техницизмов в форме винительного падежа, со временем исчезнет или будет иметь спорадический характер.

Иная картина нам видится в отношении слова *бот* и его производных. Эти номинации могут в разной степени **сохранять варьирование**, подобно другим словам русского языка, обозначающим человекоподобные объекты (*робот, кукла*), и таким образом дополнить немногочисленный ряд имен существительных, **имеющих грамматические варианты** по признаку одушевленности/неодушевленности в пределах одного и того же лексического значения (помимо слов *робот* и *кукла*, к ним относятся: *персонаж; лицо* ‘человек’; *бактерия, микроб, вирус; эмбрион* и некоторые другие). Таким образом, круг существительных, склонных к вариативности форм винительного падежа в связи с одушевленностью /неодушевленностью, расширится. Для этого уже в настоящее время под влиянием технического прогресса сформировалась благоприятная почва: человекоподобные устройства и программы устойчиво ассоциируются с живыми существами.

Список литературы и источников

- Барикко, А. 2019. *Игра*. М.: «КоЛибри».
- Буслаев, Ф. И. 1959. *Историческая грамматика русского языка: синтаксис*. М.: Учпедгиз.
- Воейкова, М. Д. 2011. “Винительный падеж.” *Русская корпусная грамматика*. http://rusgram.ru/Винительный_падеж#3 (accessed March 16, 2025).
- Волков, В. В. 2020. “Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты).” *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* 11 (4): 745–59.
- Гаврилова, Т. А., and В. Ф. Хорошевский. 2000. *Базы знаний интеллектуальных систем. Учебник для вузов*. СПб.: Питер.

- Граудина, Л. К., В. А. Ицкович, and Л. П. Катлинская. 2001. *Грамматическая правильность русской речи: стилистический словарь вариантов*. М.: Наука.
- Греч, Н. И. 2011. *Краткая грамматика русского языка*. М.: Либроком.
- Зубова, Л. В. 2009. "Одушевленные грибы и неодушевленные мухи (стихотворение Александра Левина «Мы грибоеды» как грамматический эксперимент)." In *«Слово – чистое веселье...»: сборник статей в честь А. Б. Пеньковского*, edited by А. М. Молдован, 415–23. М.: Языки славянской культуры.
- Клементьева, А. А. 2022. "К вопросу о функционировании термина *искусственный интеллект* в современном научном и публицистическом дискурсе." *Мир русского слова* 4: 14–23.
- Конюшкевич, М. И. 2024. "Категория одушевленности в зеркале функциональной грамматики." In *Избранное. Функциональная грамматика. Реляции. Коммуникация*, edited by М. И. Конюшкевич, 92–116. Гродно: Издательство ГрГУ им. Янки Купалы.
- Крысин, Л. П. 1997. "Лексикографическое представление иноязычного слова: типы грамматической информации." In *Облик слова. Сборник статей памяти Д. Н. Шмелева*, edited by Л. П. Крысин, 65–71. М.: РАН. Институт русского языка. М.
- Лазуткина, Е. М. 2014. "Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка." *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова* 1: 223–325.
- Маринова, Е. В. 2022. *Язык Рунета в Сети и за ее пределами: от вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса*. М.: Ленанд.
- Маринова, Е. В. 2024. "Русская терминология цифрового общества: грамматические особенности в фокусе неологии и неографии." *Русистика* 22 (2): 225–39.
- Маринова, Е. В., and Е. А. Волочек. 2023. *Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: проспект*. СПб.: Редакция Альманаха «Говор».
- Немченко, В. Н. 1998. *Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета.
- Норман, Б. Ю. 2006. *Игра на гранях языка*. М.: Флинта.
- Пеньковский, А. Б. 2004. "Заметки по категории одушевленности в русских говорах." In *Очерки по русской семантике*, edited by А. Б. Пеньковский, 84–100. М.: Языки славянской культуры.
- Розенталь, Д. Э. 1989. *Справочник по правописанию и литературной правке*. М.: Книга.
- Русакова, М. В. 2007. "Категория одушевленности/неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением." *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* 3 (3): 118–53.
- Скляревская, Г. Н. 2004. *Метафора в системе языка*. СПб.: СПбГУ.
- Тельпов, Р. Е. 2024. "Об одушевленности слова *чат-бот*." In *Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях. Т. I (№1)*, 106–11. М.: Издательство «МГИМО-Университет».
- Федосюк, М. Ю. 2015. "В каком направлении развивается в русском языке грамматическая категория одушевленности." *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ* 2015: 216–9.
- Федосюк, М. Ю. 2016. "Джип подрезал «форда», или Существует ли в русском языке грамматическая категория одушевленности/неодушевленности?" *Studia i Filologii Polskiej i Słowianskiej* 2016 (51): 72–87.
- Циммерлинг, А. В. 2020. "Одушевленность. Русский язык." *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова* 24: 43–56.

References

- Barikko, A. 2019. *Igra [The Game]*. Moscow: KoLibri Publ.
- Buslaev, F. I. 1959. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis [Historical Grammar of the Russian Language: Syntax]*. Moscow: Uchpedgiz Publ.
- Fedosyuk, M. Y. 2015. “V kakom napravlenii razvivaetsya v russkom yazyke grammaticheskaya kategoriya odushevlenosti.” [In Which Direction the Grammatical Category of Animatedness is Developing in the Russian Language]. In *Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kltury. Materialy XIII Kongressa MAPRYAL [Russian Language and Literature in the Space of World Culture. Proceedings of the XIII Congress of the MAPRYAL] 2015*, 216–9.
- Fedosyuk, M. Y. 2016. “Dzhip podrezal forda, ili sushchestvuet li v russkom yazyke grammaticheskaya kategoriya odushevlenosti/neodushevlenosti?” [*Jeep Cut off Ford, or Is There a Grammatical Category of Animateness/Inanimateness in the Russian Language?*]. *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej [Studies in Polish and Slavic Philology]* 2016 (51): 72–87.
- Gavrilova, T. A., and V. F. Khoroshevsky. 2020. *Bazy znaniy intellektual'nykh sistem [Knowledge Bases of Intelligent Systems. Textbook for Universities]*. St. Petersburg: Piter Publ.
- Graudina, L. K., V. A. Itskovich, and L. P. Katlinskaya. 2002. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoj rechi: stilicheskij slovar' variantov [Grammatical Correctness of Russian Speech: A Stylistic Dictionary of Variants]*. Moscow: Nauka Publ.
- Grech, N. I. 2011. *Kratkaya grammatika russkogo yazyka [Short Grammar of the Russian Language]*. Moscow: Librocom Publ.
- Klementyeva, A. A. 2022. “K voprosu o funkcionirovanii termina ‘iskusstvennyj intellekt’ v sovremennom nauchnom i publitsisticheskom disкурse.” [On the Functioning of the Term Artificial Intelligence in Modern Scientific and Journalistic discourse]. *The World of the Russian Word* 4: 14–23.
- Konyushkevich, M. I. 2024. “Kategoriya odushevlenosti v zerkale funktsional'noj grammatiki.” [The Category of Animation in the Mirror of Functional Grammar]. In *Izbrannoe. Funktsional'naya grammatika. Relatsii. Kommunikatsii [Selected Works. Functional grammar. Relationships. Communication]*, edited by M. I. Konyushkevich, 92–116. Grodno: Publishing House of the GrSU named after Yanka Kupala.
- Krysin, L. P. 1997. “Leksikograficheskoe predstavlenie inoyazychnogo slova: tipy grammaticheskoy informatsii.” [Lexicographic Representation of a Foreign Word: Types of Grammatical Information]. In *Oblik slova. Sbornik statej pamyati D. N. Shmeleva [The Appearance of the Word. Collection of Articles in Memory of D. N. Shmelev]*, edited by L. P. Krysin, 65–71. Moscow: Institut russkogo yazyka.
- Lazutkina, E. M. 2014. “Variativnost' v sisteme grammaticheskikh norm sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka.” [Variability in the System of Grammatical Norms of the Modern Russian Literary Language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka V. V. Vinogradova [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]* 1: 223–325.
- Marinova, E. V. 2022. *Yazyk Runeta v Seti i za ee predelami: ot verbalizatsii klyuchevykh idej internet-prostranstva do obnovleniya khudozhestvennogo diskursa [The Language of the Runet on the Web and beyond: From the Verbalization of Key Ideas of the Internet Space to the Renewal of Artistic Discourse]*. Moscow: Lenand Publ.
- Marinova, E. V. 2024. “Russkaya terminologiya tsifrovogo obshchestva: grammaticheskie osobennosti v fokuse neologii i neografii.” [Russian Terminology of the Digital Society: Grammatical Features in the Focus of Neology and Neography]. *Rusistika [Russian Studies]* 22 (2): 225–239.

- Marinova, E. V., and E. A. Volochek. 2023. *Tematicheskij slovar' terminologii tsifrovogo obshchestva RU: Prospekt. Elektronnyj tekst* [Thematic Dictionary of Terminology of the Digital Society RU: Prospect. Electronic Text]. St. Petersburg: Editorial Office of the Govor Almanac Publ.
- Nemchenko, V. N. 1998. *Grammaticheskaya variantnost' slova v sovremennom russkom yazyke i literaturnaya norma* [Grammatical Variation of a Word in Modern Russian and the Literary Norm]. Nizhny Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod University.
- Norman, B. Y. 2006. *Igra na granyakh yazyka* [The Game on the Edges of Language]. Moscow: Flinta.
- Penkovsky, A. B. 2004. "Zametki po kategorii odushevlenosti v russkikh govorakh." [Notes on the Category of Animatedness in Russian Dialects]. In *Ocherki po russkoj semantike* [Essays on Russian Semantics], edited by A. B. Penkovsky, 84–100. Moscow: Yazyki slavyanckoj kultury Publ.
- Rosental, D. E. 1989. *Spravochnik po pravopisaniju i literaturnoj pravke* [Handbook of Spelling and Literary Editing]. Moscow: Kniga Publ.
- Rusakova, M. V. 2007. "Kategorija odushevlenosti/neodushevlenosti: realizatsiya v rechi edinitv v perenosnom znachenii." [The Category of Animateness/Inanimateness: The Realization of Units with a Figurative Meaning in Speech]. *Acta Linguistica Metropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij Rossijskoj akademii nauk* [Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences] 3 (3): 118–53.
- Sklyarevskaya, G. N. 2004. *Metafor v sisteme yazyka* [Metaphors in the Language System]. St. Petersburg: SPbGU Publ.
- Telpov, R. E. 2024. "Ob odushevlenosti slova chat-bot." [On the Animatedness of the Word chatbot]. In *Magiya INNO: perspektivy razvitiya lingvistiki i lingvodidaktiki v sovremennykh usloviyakh, Vol. I* [INNO Magic: Prospects for the Development of Linguistics and Language Teaching in Modern Conditions, No. 1], 106–11. Moscow: MGIMO University Publishing House.
- Voeikova, M. D. 2011. "Vinitelnyj padezh [Accusative case]." *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar. Electronic resource]. http://rusgram.ru/Винительный_падеж#3 (accessed March 16, 2025).
- Volkov, V. V. 2020. "Iskusstvennyj 'intellect' i chelovecheskij um: futuristicheskaya sinekdokha i real'nost' (lingvisticheskij i lingvomental'nyj aspekty)." [Artificial "Intelligence" and the Human Mind: A Futuristic Synecdoche and reality (Linguistic and Linguomental Aspects)]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 11 (4): 745–59.
- Zimmerling, A. V. 2020. "Odushevlenost'. Russkij yazyk." [Animation. Russian Language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language] 24: 43–56.
- Zubova, L. V. 2009. "Odushevlennye griby i neodushevlennye mukhi (stikhotvorenie Aleksandra Levina 'My griboedy' kak grammaticheskij eksperiment)." [Animate Mushrooms and Inanimate flies (Alexander Levin's Poem We Are Mushroom-Eaters as a Grammatical Experiment)]. In *"Slovo – chistoe veselje": Sbornik statej v chest' A. B. Penkovskogo* ["The Word is Pure Fun ...": Collected Articles in Honor of A. B. Penkovsky], edited by A. M. Moldovan, 415–23. Moscow: Yazyki slavyanckoj kultury Publ.